

К ВОПРОСУ О ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ВЛИЯНИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ И ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ НА РУССКИЕ КНЯЖЕСТВА

С.А. Нефедов

*Институт истории и археологии УрО РАН
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Российская Федерация
hist1@yandex.ru*

Цель: исследование проблемы заимствования Московией ордынских и османских институтов и традиций в сфере государственной организации, финансов, военного дела, в области материальной культуры.

Материалы исследования: поскольку исследование носит компаративный характер, здесь привлекались разнообразные источники: как русские летописи, так и произведения арабских, турецких, персидских, китайских авторов, а также и археологические свидетельства.

Результаты и научная новизна: в первую очередь рассматривался вопрос о «принципе отложенного действия» Г.В. Вернадского, в соответствии с которым влияние монгольской модели на Московию дало свой полный эффект только после освобождения последней от монголов, то есть в конце XV–XVI вв. В соответствии с этим принципом многие историки приписывали ордынскому влиянию становление российского самодержавия, внедрение поместной системы и перенимание многих культурных особенностей, фиксируемых в источниках XVI в. В работе рассмотрен вопрос об истоках поместной системы, указано на детальные совпадения в организации русского поместья и османского тимара и с помощью теории вероятностей доказано, что поместье было, в основных чертах, копией тимара. Аналогичным образом и переписи, проводившиеся Иваном III, в основных чертах копировали османский дефтер. Таким образом, было показано присутствие на Руси османских заимствований и неадекватность «принципа отложенного действия», приписывавшего ордынскому влиянию явления, которые в действительности объяснялись османскими заимствованиями. Это в первую очередь касается происхождения российского самодержавия, которое не может быть объяснено исходя из ордынских традиций, но, как показано в работе, связано с османским влиянием.

Напротив, в области военного дела имело место едва ли не полное копирование ордынских традиций.

Ключевые слова: Россия, Золотая Орда, Османская империя, татары, культурные заимствования, цивилизационное влияние, поместная система, переписи, военное дело

Для цитирования: Нефедов С.А. К вопросу о цивилизационном влиянии Золотой Орды и Османской империи на русские княжества // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 4. С. 753–770. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.753-770

**ON THE QUESTION OF THE CIVILIZATIONAL INFLUENCE
OF THE GOLDEN HORDE AND OTTOMAN EMPIRE
ON THE RUSSIAN PRINCIPALITIES**

S.A. Nefedov

*Institute of history and archaeology, Ural branch of RAS
Ural Federal University
Yekaterinburg, Russian Federation
hist1@yandex.ru*

Abstract: *Research objectives:* To study sixteenth-century Russian society's adoption of the traditions of the Golden Horde and Ottoman Empire in the field of autocratic governance, finance, military affairs, etc.

Research materials were selected on the basis of their comparative nature. These are Russian chronicles along with Arabic, Turkish, Persian, and Chinese texts. Archaeological evidence has been used as well in the study.

Results and novelty of the research: The question regarding the "principle of delayed action", raised by Vernadsky, was the first objective of study. According to this principle, the Mongol influence had a major effect not during the period of Russian dependence on the Golden Horde, but even after the establishment of an independent state. Many historians have referred to this principle when explaining the origin of the Russian autocracy and other state institutions, such as the *pomest'e*. The main historiographical problem regarding this interpretation has been the lack of sources from the fourteenth and fifteenth centuries. Sources, such as notes by foreigners, appear at the beginning of the sixteenth century, and these sources speak about the unlimited power of the great princes. Thus, the autocracy of the sixteenth century was generally considered to have been the result of Mongol influence.

To begin with, the author investigated the question of the origin of *pomest'e*. He discovered the detailed similarities between Russian *pomest'e* and Turkish *timar*. He then established that Russian *pomest'e* and Russian censuses were copies of the Turkish *timar* and *defter*. Thus, borrowings from Turkish practices and a palpable Turkish influence were discovered. This Turkish influence supplanted the remnants of the Mongol influence, and the "principle of delayed action" has been demonstrated to be unfeasible. The author showed that the origin of the Russian autocracy was associated with the Turkish influence, and not with the Mongol one. However, the Russian military system was certainly borrowed from the Tatars and Mongols.

Keywords: Russia, Golden Horde, Ottoman Empire, Tatars, cultural borrowings, civilizational influence, local system, census, finance, warfare

For citation: Nefedov S.A. On the Question of the Civilizational Influence of the Golden Horde and Ottoman Empire on the Russian Principalities. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 4, pp. 753–770. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.753-770

Исследование цивилизационного влияния Золотой Орды на русские княжества имеет давнюю историю. Как известно, Н.М. Карамзин в свое время утверждал, что русское самодержавие родилось при монголах и «Москва обязана своим величием ханам». В дальнейшем ни один писавший обобщающие работы крупный историк не мог не коснуться этой темы, однако во многих работах проглядывал свойственный XIX веку европоцентризм. «Тра-

диционно история России преподносилась как русская история, – отмечает Р.С. Хакимов. – И даже такой сложный период как золотоордынский, когда жизнь русских определялась из Сарая, “успешно” обходился историками. С.М. Соловьев в предисловии к своей многотомной “Истории России с древнейших времен” пишет: “Историк не имеет права с половины XIII века прерывать естественную нить событий... и вставлять татарский период, выдвигать на первый план татар, татарские отношения, вследствие чего необходимо закрываются главные явления, главные причины этих явлений”» [43, с. 37].

В советский период исследования на тему цивилизационного влияния Орды не поощрялись. Публикация работ, шедших вразрез с линией партии, была запрещена; написанная в 1950-х гг. книга С.С. Аверкиева «Влияние татар на жизнь русского народа» была опубликована лишь 60 лет спустя [1]. В немногих работах, вышедших в этот период, делаются попытки свести ордынское влияние к минимуму. Так, Б.Д. Греков пишет об ордынской финансовой системе: «Однако, не нужно думать, что татары ввели у нас какое-то новшество, до сих пор неизвестное» [11, с. 222]. Аналогичным образом он высказывается об ямской службе [11, с. 225]. А.А. Горский отмечал, что в советской историографии «воздействие монголо-татар рассматривалось исключительно как негативное, тормозящее развитие Руси» [10, с. 76].

На Западе обсуждение исторических проблем было более свободным. В 20–30-х гг. XX в. историки евразийской школы поставили перед собой цель отойти от европоцентризма, и один из лидеров этого направления, Г.В. Вернадский, в 1953 г. опубликовал книгу «Монголы и Русь», посвященную влиянию монголов на развитие России. Указывая на различные проявления этого влияния, Вернадский, тем не менее, оговаривается, что «влияние монгольской модели на Московию дало свой полный эффект только после освобождения последней от монголов. Это можно назвать эффектом отложенного действия» [6, с. 341–342]. Одним из проявлений этого эффекта, по Вернадскому, было становление московского самодержавия.

Концепция Вернадского была использована выдающимся историческим социологом К.-А. Витфогелем в известной работе «Восточный деспотизм» [56], а затем Р. Пайпсом, который основал на ней свою теорию «вотчинного государства» [29, с. 104]. В обстановке холодной войны эту концепцию подхватили влиятельные политологи, такие, как З. Бжезинский [48, с. 69–70], и с тех пор, по выражению А. Янова, она стала «Большим Стереотипом» мировой историографии. «Большой Стереотип мировой историографии, – писал А. Янов, – единодушно утверждал (и по сию пору утверждает), что государство Россия вышло из-под ига деспотическим монстром, наследницей вовсе не европейской Руси, а монгольской орды» [47, с. 23].

Один из известных американских историков, Ч. Гальперин, позже отмечал, что хотя трактовка московской государственности как исторического преемника Золотой Орды получила широкое распространение, научных обоснований данной теории немного [7]. Гальперин называл в этой связи работы Д. Островского, но даже Островский, указывая на преемственность финансовых и военных институтов, выступал (как и Гальперин) против тезиса Витфогеля о заимствовании русского самодержавия у монголов [52, р. 542].

Тем не менее, «Большой Стереотип» не только продолжал существовать, но даже распространялся. После падения СССР он был принят некоторыми

российскими историками. Так, А.Л. Юрганов писал, что в результате ига города лишились старых вольностей и «деспотизм надолго стал нормой» [45, с. 73], И.П. Ермолаев вслед за Р. Пайпсом говорил об утверждении в России к концу XV в. деспотического «вотчинного режима» [14, с. 300] и т.д. Подобные суждения иногда приобретали политический оттенок. Так, Ю.П. Пивоваров утверждал: «Большинство русских по-прежнему стыдливо уклоняется от того, что Орда является одним из источников не только нашей государственности и власти – здесь более менее все согласны – но и культуры... Конечно и при московских царях и при петербургских императорах, и при генсеках советских и *сегодня* (выделено нами – С.Н.), русская верховная власть практически ничем не ограничена... Эти традиции во многом сохранились, и если мы хотим найти их источники – то да, это вот здесь, это не в Киеве и Византии, это вот здесь...» [46].

В 2011 г., анализируя историографию проблемы, Р. Пайпс отмечал, что специалисты, не признававшие монгольского влияния, почему-то никогда не считали нужным отвечать на аргументы своих оппонентов [28]. Главный аргумент оппонентов – это многочисленные свидетельства иностранцев (М. Меховский, А. Кампенский, Дж. Горсей, Д. Флетчер, Г. Штаден, Р. Ченслер и др.) о деспотической власти правителей Московии. Например, часто цитируется свидетельство С. Герберштейна: «Властью, которую он (Василий III – С.Н.) имеет над своими подданными, он далеко превосходит всех монархов целого мира... Всех одинаково гнетет он жестоким рабством...» [8, с. 72]. После 2011 г. все же были сделаны попытки сформулировать ответ. М.М. Кром в работе 2018 г. утверждает, что высказывание Герберштерна является преувеличением, поскольку при Василии III сохранялись уделы его братьев [19, с. 114] – однако уделы сохранялись и при Иване Грозном, и при Людовике XIV, так что этот аргумент можно оспорить. В.В. Пенской и Т.М. Пенская называют известия западных авторов о московском самодержавии XVI в. «черной легендой» [30, с. 28], ссылаются на работы исследователей, которые утверждают, что «не следует преувеличивать силу централизующихся государств» [30, с. 21], что «государство было вынуждено идти на сотрудничество с местными элитами» [30, с. 22], и цитируют Н. Хеншелла, который вообще отрицает существование абсолютизма [50]. Вряд ли такой подход, нивелирующий различия между «раннемоdernовыми» государствами, можно назвать конструктивным, хотя бы потому, что современники постоянно отмечали огромную разницу между политическим строем Московии и других европейских государств.

Вероятно, более конструктивно не отрицать московское самодержавие, а подробнее проанализировать вопрос о том, могло ли оно быть заимствовано у Орды. Для решения вопроса о заимствованиях В.В. Трепавлов предлагает использовать методiku Г.В. Вернадского: если какого-то явления или института не было в домонгольской Руси, но они фиксируются в XIV–XV вв., то значит, они возникли в ордынский период и могли быть переняты у ордынцев. «Но для полноценного применения такого подхода нужно знать, существовали ли рассматриваемые явления в Золотой Орде», – подчеркивает В.В. Трепавлов [41, с. 462]. Мы будем называть эту методiku критерием Вернадского-Трепавлова; в принципе, этот критерий должен использоваться для

проверки присутствия ордынского (а также и любого стороннего) влияния в любой сфере, и без такого рода проверки (а ранее она делалась далеко не всегда) все суждения о заимствованиях являются не более, чем гипотезами.

Итак, существовало ли в Золотой Орде самодержавие? Прежде всего, нужно констатировать тот факт, что ханы избирались на курултае. Иоанн де Плано Карпини говорит о законах Чингизхана: «Одно постановление такое, что всякого, кто, превозносясь в гордости, пожелает быть императором собственною властью без избрания князей, должно убивать без малейшего сожаления» [32, с. 48]. О курултаях в Золотой Орде упоминает Хайдер Рази: «...После смерти Токтая эмиры и нойоны совещались о назначении царя» [39, с. 213]. Другой хронист, Натанзи, свидетельствует: «Когда Урус-хан сел на царство на первом же курултае сообщил то, что было в его уме, столпам державы и вельможам двора» [39, с. 128]. Ю.В. Селезнев утверждает даже, что в избиравших ханов курултаях принимали участие русские князья [36, с. 167, 312].

Но дело не только в курултаях. В реальности хан делил свои полномочия с четырьмя карачи-беками, один из которых (*беклербек*) считался старшим [15, с. 186]. Важнейшие дела обсуждались в ханском совете, куда входили и жены хана («хатуни»). Ибн-Фаддалах Эломари свидетельствует: «Мне привелось видеть много грамот, исходивших от царей этих стран, времен Берке и позднейших. В них (читалось): “мнения хатуней и эмиров сошлись на этом” и тому подобное». Эломари добавляет, что, по рассказам знающих людей, «султан Узбек из дел своего государства обращает внимание только на сущность дел, не входя в подробности обстоятельств и довольствуется тем, что ему доносят, но не доискивается частных» [38, с. 229–230].

Таким образом, власть ханов была ограничена курултаями и советом беков; ханы не были самодержцами, и гипотеза о заимствовании российского самодержавия у Орды не проходит проверку по критерию Вернадского-Трепавлова. Русские князья не могли заимствовать самодержавие у ханов. Если они и могли что-то заимствовать у Орды по части политического режима, то это курултай. Действительно, летописи свидетельствуют о том, что подобные собрания имели место и на Руси. Например, в мае 1471 года Иван III перед походом на Новгород созвал на совещание своих братьев, митрополита, воевод и «вся воя своя» [33, с. 129]. Некоторые авторы полагают даже, что курултай были прообразом для земских соборов, созывавшихся Иваном IV [например: 16, с. 202; 54]. Это, однако, маловероятно, так как курултай были аристократическими собраниями, а в земских соборах участвовали выборные от низших сословий. Кроме того, грозный царь никогда бы не создал института с полномочиями избирать или смещать правителя, как это делал курултай [15, с. 203].

Обращаясь к более общему вопросу о монгольских заимствованиях, нужно отметить, что применение критерия Вернадского-Трепавлова затрудняется недостаточностью источников, которые позволяли бы проверить, существовали ли рассматриваемые явления параллельно в Золотой Орде и в России [41, с. 462]. Большинство имеющихся источников (например, упоминаемые выше свидетельства иностранцев) относятся к началу XVI в. или к более позднему периоду. Именно на основании этих источников Г.В. Вернадский сформулировал принцип отложенного действия, который утверждает, что

«влияние монгольской модели на Московию дало свой полный эффект только после освобождения последней от монголов». Пользуясь этим принципом, Я. Пеленский «объяснил» происхождение не только земских соборов, но и важнейшего института Московии – поместной системы. По Я. Пеленскому, русское поместье происходит от казанского сюргала [54, с. 163–164].

На самом деле мы практически ничего не знаем о казанском сюргале – кроме того, что это было условное земельное владение, дававшееся воинам за службу. Но условных владений было много, например, бенефиций, икта, прония, джагир, тиуль, тимар. Они существенно различались в деталях, и вопрос о происхождении можно решить, лишь сопоставив многочисленные детали. Нам представляется, что источник поместной системы следует искать не в малоизвестном казанском сюргале, а в порядках намного более могущественного соседа – Османской империи. После завоевания какой-либо области османы выселяли («сургун») местную знать и конфисковали ее земли. После этого проводилась перепись населения (дефтер), назначались новые налоги и конфискованные земли раздавались во владение (тимар) воинам-сипахи. Важно отметить, что все мероприятия Ивана III на Новгородчине в конце 1480-х гг. в точности соответствовали османской процедуре присоединения завоеванных земель к Империи. Был осуществлен «вывод» (это буквальный перевод слова «сургун») семи тысяч наиболее зажиточных новгородцев с конфискацией их земель. На этих землях была проведена перепись живших там крестьян с указанием их земельных участков и причитающихся с них повинностей. Затем эти земли по большей части были розданы в поместья воинам – с условием службы. Так же, как в Турции, поместье оставалось государственной собственностью; помещику причитались лишь платежи, зафиксированные в переписных листах. Поместье было небольшим, молодой воин, «новик», получал не больше 150 десятин земли – около десяти крестьянских хозяйств, это примерно соответствовало первоначальному поместью османского сипахи («кылыдж тимару»). Как в Турции, каждую весну воины вызывались на поверку и затем отправлялись в поход или на сторожевую службу. Если воин являлся на смотр с негодным оружием, или не выказывал мужества в бою, то поместье могли «отписать» на великого князя, но если помещик отважно сражался, то «поместную дачу» увеличивали (у османов эти добавки назывались «хиссе»). Бояре и воеводы получали до 1500 десятин земли, но были обязаны приводить с собой определенное число наемных слуг или боевых холопов. Воину, который не мог сражаться по старости или из-за ран, оставляли на пропитание часть поместья, «прожиток» (у османов – «текайюд»). Если сын помещика заступал в службу вместо отца, то он мог наследовать часть отцовского поместья в тех размерах, которые полагались «новику» (то есть «кылыдж тимар») [18, с. 30–31, 51; 24, с. 215].

Казалось бы, детальное совпадение не оставляет сомнения, что русское поместье было заимствовано у османов. Во всяком случае, именно такой вывод следует сделать, если применить к этой ситуации принцип Вернадского-Трепавлова. Однако историков смущает отсутствие источников, которые бы прямо указывали на это заимствование. Это отсутствие отчасти объясняется Ч. Гальперином, который писал, что русские источники никогда не признают заимствования у мусульман. «Это было бы несовместимо с

образом Московии как православного государства» [49, р. 95]. Некоторые историки утверждают, что сходство русского поместья и османского тимара могло быть обусловлено сходными внутренними и внешними обстоятельствами. На это можно возразить, что и в соседних странах, в Польше, Литве, Венгрии, Австрии, в германских княжествах, в Египте, в Персии обстоятельства были более-менее сходными, и во всяком случае, нельзя сказать, что условия России были более сходными с условиями в Османской империи, чем в этих странах. Тем не менее, системы военной организации в этих странах были различными и непохожими на османскую систему. Другие исследователи утверждают, что сходство поместья и тимара могло быть простой случайностью. Историки часто не знакомы с теорией вероятностей и не представляют, насколько маловероятна случайность такого рода. Посмотрим, могло ли это быть случайностью. Допустим, что великий князь в каждом случае принимал решения, бросая монетку, то есть допускал другое решение с вероятностью в 50%. При этом не важно, знал ли князь, что выбранный им в реальности вариант – «османский», важно лишь то, что он знал, что такой вариант существует – раз он его выбрал. Тогда:

1) Вероятность высылки аристократии с завоеванных земель равна 0,5.

2) Вероятность проведения после высылки переписи – 0,5, а с учетом условия высылки $0,5 * 0,5 = 0,25$.

3) Вероятность раздачи поместий после переписи – 0,5, а с учетом условия (вероятности переписи) $0,5 * 0,25 = 0,125$.

4) Вероятность того, что после испомещения помещики будут вызываться на смотры – 0,5, а с учетом условия (испомещения) – $0,5 * 0,125 = 0,0625$.

5) Вероятность того, что после принятия предыдущих решений в дальнейшем размеры пожалования будут увеличиваться или уменьшаться в зависимости от боевых заслуг – 0,5, а с учетом условия (принятия предыдущих решений) – $0,5 * 0,0625 = 0,03125$.

6) Вероятность того, что после принятия предыдущих решений поступающему в службу сыну помещика будет выделяться не вся земля отца, а лишь надел новика – 0,5, а с учетом условия (после принятия предыдущих решений) – $0,5 * 0,03125 = 0,015625$.

7) Вероятность того, что после принятия предыдущих решений за отставным воином будет сохраняться не все поместье, а лишь «прожиток» – 0,5, а с учетом условия (после принятия предыдущих решений) – $0,5 * 0,015625 = 0,007813$.

8) Вероятность того, что после принятия предыдущих решений командирам будут выдаваться большие наделы, но они будут обязаны приводить с собой соответствующее количество воинов – 0,5, а с учетом условия (после принятия предыдущих решений) – $0,5 * 0,007813 = 0,003906 = 0,4\%$.

В итоге, вероятность случайного совпадения реформы Ивана III с османским вариантом практически равна нулю. То есть совпадение не было случайным – турецкая модель целенаправленно копировалась.

Таким образом, мы имеем математическое доказательство того факта, что поместная система с ее сопровождающими мероприятиями («вывод», перепись, основанная на переписи новая система налогов) была заимствована Иваном III у могущественной Османской империи. Но столь масштабные заимствования не бывают изолированными, обычно они являются частью

комплексного процесса, и можно привести другие примеры османских заимствований (подробнее см.: [23]). Наиболее ярко идея подражания османам была изложена в «Сказании о Магмет-салтане» Ивана Пересветова, который советует Ивану IV править с помощью «грозы». «Невозможно царю без грозы править, как если бы конь под царем был без узды, так и царство без грозы» [31, с. 632]. Как показывает Д.Н. Альшиц [4], Иван Грозный во многом следовал советам Пересветова, и, таким образом, российское самодержавие питалось не ордынскими, а османскими идеалами. Английский посол Джильс Флетчер писал, что «образ правления у них весьма похож на турецкий, которому они, по-видимому, пытаются подражать, сколько возможно, по положению своей страны и по мере своих способностей в делах политических...» [42, с. 35].

В итоге, можно констатировать, что остаточное влияние золотоордынских порядков с конца XV века сочетается с мощным османским влиянием. Отсюда следует принципиальный вывод о неадекватности принципа «отложенного действия»: мы не можем судить об ордынских заимствованиях на основании источников конца XV–XVI вв., потому что это могли быть османские заимствования. Встает проблема разделения разных слоев заимствований. Например, С.С. Аверкиев утверждал, что «от татар русскими были позаимствованы и следующие меры веса и длины: анасырь, безмен, батман, контарь и аршин» [1, с. 60]. Однако эти термины фиксируются в русском языке лишь со второй половины XVI в. – за исключением аршина, о котором в источнике 1488 г. говорится «аршин кафинский» [37]. Кафа тогда была турецким городом, и не только аршин, но все эти меры были стандартными для Османской империи [24, с. 252]. Другой пример: установлено, что из тюркского в русский язык вошло 300 слов, связанных с одеждой, и 280 слов, связанных с питанием [16, с. 268]. Но какие из этих слов свидетельствуют об ордынском влиянии, и какие – об османском?

Одежда, впрочем, следует моде и не оказывает существенного влияния на жизнь народа. Гораздо более важны институциональные заимствования. В отношении заимствования некоторых государственных институтов среди историков существует устоявшийся консенсус. Общепризнано, что монголы провели перепись и внедрили на Руси свою администрацию. Система монгольского управления на Руси была такой же, как и в других областях Империи, и была построена, в основном, по китайским образцам [53, с. 36–40]. Разоренные и опустевшие южные области были взяты в прямое управление, а северо-восточные княжества отдавались в улус местным князьям. Изъявившие покорность князья получали в ставке хана ярлык на управление улусом, но хан по своему произволу мог отнять этот ярлык и передать другому князю. В княжества были посланы чиновники-«даругачи» (в русском произношении «дорога»), которых в летописях чаще называют баскаками. Была проведена перепись, и «численники» разделили податное население на «десятки», «сотни», «тысячи» и «тьмы» (десятки тысяч). При сборе налогов окладной единицей была «соха»; первоначально, в XIII веке, «соху» составляли «два мужа работника» и две-три лошади, а в XV веке – три работника и три лошади. Основной налог назывался «выходом» (калька с арабского «харадж»), кроме того взимался рыночный сбор в 3% с цены товара («там-

га)), существовали также подорожные сборы, «костка» и «мыт». Монголы устроили почтовые станции («ямы») и возложили на население обязанность поставлять ямщиков, лошадей и подводы. Кроме того, время от времени баскаки проводили принудительный набор рекрутов («война»). Эти налоги и повинности существовали и в других частях обширной Монгольской империи, по большей части они копировали китайские образцы [25].

В начале XIV в. функции баскаков («дорог») были урезаны, и, в частности, сбор налогов был передан местным князьям. Однако созданная татарами администрация уже стала привычной на Руси, и когда русские в 1377 году овладели Булгаром, они, в свою очередь, поставили там своего «дорогу» и «таможенника» [34, стб. 116–117]. Монгольские переписи прекратились, и дань собирали по «старым дефтерям» [12, с. 147], то есть, по видимому, по данным последней монгольской переписи 1275 года. Однако русские князья иногда проводили свои переписи, например, в завещании Василия II (1461/62 г.) говорится, что для распределения «выхода» между его наследниками нужно описать их уделы «по сохам и по людям» [12, с. 197].

Весьма важно, что проведенные по китайскому образцу переписи подразумевали круговую поруку «десятков» и «сотен» в уплате налогов и несении повинностей. Документы более поздних времен, действительно, упоминают о десятниках и сотниках на селе: это были деревенские старосты и главы волостного «мира», ответственные за сбор налогов [3, с. 48]. Круговая порука существовала на Руси и ранее, но «монголо-китайские» переписи придали ей прочный характер, так что она сохранилась и в последующие столетия – в то время как в Западной Европе она потеряла значение в XIII–XIV вв. [55, р. 260]. Круговая порука была одним из проявлений русской «общинности», и в этом смысле можно сказать, что перенимание привнесенных монголами китайских традиций оказало определенное влияние на менталитет русского народа. Западные авторы времен холодной войны иногда говорили и о других изменениях в менталитете: под влиянием монголов русские якобы стали склонны к низкопоклонству, лести, обману, жестокости – и будто бы эти черты сохраняются в народе до сих пор. Говорилось о том, что монголы принесли на Русь пытки и жестокие казни. Эта точка зрения была подвергнута обстоятельной критике Ч. Гальперином [49, р. 96], и мы не будем на ней останавливаться.

Обычно считается, что монголо-китайская традиция переписей сохранялась и далее, в последующие века. Однако нужно учесть, что ордынское влияние в XV–XVI вв. в значительной мере сменилось османским. Переписи Ивана III были частью процедуры испомещения воинов-помещиков. Они считали не только людей и «сохи», они перечисляли доходы, идущие с деревни в пользу помещика (или в случае оброчных великокняжеских деревень – великому князю). Для вотчинных и черносошных земель такого перечисления не делалось: очевидно речь шла об учете доходов, которые можно было использовать для испомещения. Поскольку процедура испомещения была заимствована у османов, то можно ожидать и заимствований в проведении переписей. Действительно, схема описи в переписных листах и в османских дефтерах была очень похожей: название деревни (группы деревень), имена дворовладельцев, число взрослых мужчин, далее – платежи, следующие с деревни в целом (без разбивки по дворам): денежный оброк,

количество поставляемой ржи, овса, ячменя и т.д., при этом указывался денежный эквивалент каждого рода натуральных поставок; эти эквиваленты суммировались с денежным оброком, и указывался общий доход [2, с. 158; 18, с. 10; 26]. Так же, как и в Турции, перепись не учитывала повинности и государственные налоги. Как в случае с поместьем, можно показать, что вероятность случайного совпадения при таком количестве схожих деталей ничтожна – то есть переписи Ивана III следовали османскому, а не монгольскому образцу. Однако важно, что при этом сохранялся принцип круговой поруки в уплате податей: платежи требовали не с конкретного хозяйства, а с деревни или группы деревень.

Известно, что переписи Ивана III проводились с большим трудом: описание одного уезда обычно длилось 2–3 года [18, с. 10]. Очевидно, у великого князя не было достаточного количества образованных писцов, так что нельзя сказать, что Русь унаследовала от ордынских времен сколько-нибудь развитый бюрократический аппарат. Говоря об ордынском влиянии в этой области обычно указывают на терминологию московских канцелярий: слова «казна», «ярлык», «таможня», «лафа» (жалованье), «бакшей» (чиновник), «деньга», «сагчий» (сановник), «киличей» (посол) имеют тюркское происхождение или попали в русский язык из тюркских языков в ордынские времена. «Челобитье» при подаче прошений является калькой татарского «баш вурмак», которое в свою очередь является калькой китайского «коу тоу» [1, с. 123; 52, р. 534]. Однако заимствование терминологии не означает, что в домонгольский период на Руси не было денег, рыночных пошлин, чиновников. Если же говорить о реальных заимствованиях, то в первую очередь нужно упомянуть ямскую службу и тарханы [11, с. 105]. Ямская служба – это, собственно, не ордынский, а имперский институт, заимствованный монголами из Китая. Система почтовых станций называлась в Китае «чжань» или «чжам», откуда происходит монгольское слово «джам», тюркское «йям» и русское «ям» [35, с. 36.]. Что касается налоговых иммунитетов, «тарханов», то русские князья, начиная с Ивана III, стремились уничтожить это ордынское наследие. Формально тарханы были отменены Иваном IV в 1550 г., однако в некоторых, редких, случаях существовали и позже [1, с. 53].

В ряду политических последствий монгольского завоевания упоминают также уничтожение вечевых институтов и обложение городского населения данью (в киевские времена горожане платили лишь косвенные налоги). Однако, в принципе, монголы не стремились уничтожить вече: они лишь усмиряли восставшие города, и там, где не было восстаний (например, в Новгороде), вече сохранилось. В этих действиях монгольской власти нет ничего специфического – так поступил бы любой завоеватель, и отсюда вряд ли следует вывод о том, что монголы способствовали становлению русского самодержавия [49, р. 95].

Перейдем теперь к вопросу об ордынских заимствованиях в военной сфере. Подробное описание русских и татарских воинов имеется в книге С. Герберштейна, и оно совпадает даже в деталях. Прежде всего, и те, и другие – конные лучники, в сражении они не употребляют пехоты и пушек, их главное оружие – лук и стрелы; сабли, шлемы, доспехи есть лишь у немногих, кто побогаче; они сидят на лошади, поджав ноги, чтобы иметь воз-

возможность поворачиваться, амортизировать скачку и точнее стрелять в разные стороны; к шпорам прибегают весьма немногие, большинство пользуется плеткой; в сражениях они предпочитают обстреливать врага издали; ближнего боя долго не выдерживают и обращаются в бегство, но при этом стреляют назад и, при случае могут снова атаковать врага. Лошади у них маленькие, холощенные, очень выносливые, не подкованы, узда самая легкая, седла приспособлены таким образом, чтобы было легче поворачиваться во все стороны. Герберштейн добавляет, что у татар эта порода лошадей называется «бахмат» и что лошади этой породы могут разгребать снег копытами и питаться жухлой травой [8, с. 114–117, 167–169].

Как и в случае с поместьем, оказывается, что случайные совпадения такого рода невозможны и следует сделать очевидный вывод: русская военная система в части вооружения и тактики была заимствована у татар (и монголов). Выше говорилось о том, что система содержания русских всадников была заимствована у османов, однако, как выясняется, система вооружения не была заимствована: османские тимариоты были латниками («джебелю»), а русские помещики – всадниками, защитное вооружение которых в большинстве случаев составлял лишь толстый стеганный кафтан; он назывался, как и у татар, «тигилай». Перенимание татарской военной системы русскими специалисты называют «ориентализацией». Поскольку описание Герберштейна относится ко временам Василия III, то некоторые историки считают, что «ориентализация» – это позднее явление, наблюдавшееся в конце XV–XVI вв. [17, с. 13], то есть здесь как будто бы проявляется «принцип отложенного действия». Однако это не так: Иосафовская летопись, например, описывает сражение 1456 г. под Русой, когда двести московских лучников одолели пятитысячное новгородское войско, используя татарскую тактику: уклоняясь от ближнего боя, они стреляли в лошадей атакующего противника [13, с. 49]. Аналогичным образом была одержана решающая победа в битве на Шелони в 1471 году [13, с. 69]. Здесь нужно заметить, что обычной стрелой убить лошадь практически невозможно, и, надо полагать, московские всадники использовали специальные стрелы, предназначенные для поражения лошадей – так называемые «срезни». Это монгольские по происхождению стрелы, имевшие тяжелые (до 40 г) наконечники с шириной пера до 5 см [20, с. 75–78]. Такую тяжелую стрелу можно было выпустить лишь из очень мощного лука монгольского типа; эти луки вместе с колчаном и налучьем назывались на Руси и в Орде монгольским словом «саадак» («сагайдак»). По китайским источникам сила натяжения «саадака» составляла не менее 10 доу (66 кг) [21, с. 7], что превосходило силу натяжения английских луков времен сражения при Креси.

Саадак имел особую конструкцию: по задней части кибити шла тонкая, но широкая, костяная накладка, которая и придавала луку упругость и силу. При этом монгольский лук имел сравнительно небольшие размеры, что делало его удобным и обеспечивало высокий темп стрельбы. Ю.С. Худяков сравнивает военный эффект появления монгольского лука с эффектом появления автоматического оружия в XX веке. Скорострельность и мощь монгольского лука давали воинам уверенность в том, что противник не устоит перед «ливнем стрел» [44, с. 124].

Саадак был тем оружием, которое обеспечило победы монголов, и естественно, он был заимствован другими народами – в том числе татарами и русскими – вместе со стрелковой тактикой боя и всеми особенностями вооружения, детально описанными у С. Герберштейна. Использование мощного лука отразилось даже на физических качествах: у русских, как и у монголов, были очень сильные руки [8, с. 120; 5, с. 142]. Все русские воины стали всадниками и усвоили психологию всадников: они не расставались с лошадью, даже посещая соседей по улице; если они все-таки шли пешком, то слуга вел лошадь следом [8, с. 122]. Они заимствовали у татар обувь на высоких каблуках: это было неудобно для пешехода, но удерживало башмак в стремени. «Башмак» и «каблук» – татарские слова, попавшие в русский язык в ордынский период. Если раньше на Руси носили «гачи», к которым крепились «ноговицы», то теперь всадники носили более удобные для них цельные «штаны» – это также тюркское слово, известное с XV в. [1, с. 134–135; 27, с. 204]. Как отмечал Герберштейн, в защитных доспехах использовали войлок – это было важное заимствование, поскольку оно спасало от суровых русских морозов. Позже стали выделять «сапоги войлочные», валенки. Вообще, Герберштейн свидетельствует, что одежда русских очень похожа на татарскую [8, с. 117], но мы касаемся здесь лишь предметов, имеющих существенное функциональное значение. Кроме того, у Герберштейна речь идет об одежде знати, а одежда и обувь простонародья оставались, в основном, теми же, что и в домонгольские времена: лапти, да крившиеся без ножниц рубахи [27, с. 203].

Еще одно важное заимствование, связанное с новой «всаднической» культурой московской знати, – это использование степных лошадей. Лошади татарской породы «бахмат» упоминаются не только у Герберштейна, но и в русских источниках XV в. [37]. Лошади в Орде были очень дешевы, и кочевники постоянно пригоняли большие табуны на продажу в русские города [40, с. 516–517].

Улучшение и пополнение конского поголовья должно было сказаться и на хозяйстве русских крестьян. Из других важных заимствований можно отметить соху с полицей и посеы проса. Соха с полицей использовалась в Китае еще в эпоху Тан, археологически она фиксируются в Булгаре и на Руси в слоях XII–XIV вв., а в русских письменных источниках упоминается впервые в 1543 г. [9, с. 11; 24, с. 151]. Просо было известно на Руси и раньше, но получило большое распространение в ордынский период, поскольку монголы предпочитали просо всякой другой растительной пище и в некоторых районах принуждали местное население производить его посеы для уплаты дани [22]. Русские воины переняли у монголов (и татар) традицию использования проса в походах. Герберштейн сообщает, что если нет ничего иного, то русский «разводит огонь, наполняет чан водой, бросает в него полную ложку проса, добавляет соли и варит: довольствуясь такой пищей, живут и господин, и рабы» [8, с. 117].

Некоторый интерес представляет вопрос о запрете употребления спиртных напитков – во все дни кроме больших праздников [8, с. 103]. Мог ли такой запрет быть заимствован у татар? Ибн Баттута сообщает, что татары были ханафитского толка в исламе, и опьяняющий напиток у них был доз-

волен. Напиток этот (разновидность пива) изготовлялся из проса и назывался бузой [38, с. 284]. Русские заимствовали у татар бузу, и венецианец Иосафат Барбаро, посетивший Московию в конце XV в., познакомился с бузой в Рязани [1, с. 153]. Таким образом, частичный запрет на употребления алкоголя не мог быть заимствован у татар – вероятно, он был заимствован из Турции. Аналогично обстоит дело со свидетельствами иностранцев о приниженном положении русских женщин [8, с. 112] – оно не могло быть результатом ордынского влияния, так как в Орде, по свидетельству Ибн Баттуты, женщины пользовались «великим почетом» [38, с. 288]. Вероятно, здесь так же сказало османское влияние.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в конце XV–XVI вв. остаточное ордынское влияние совмещалось с османским влиянием, и при анализе происхождения тех или иных явлений русской действительности необходимо различать эти две волны заимствований. Принцип отложенного действия Вернадского оказывается неадекватным – в особенности в вопросах о генезисе поместной системы и происхождении русского самодержавия. Методы теории вероятностей позволяют доказать, что русское поместье было в основных чертах копией османского тимара, а русские переписи аналогичным образом копировали османские дефтеры. Но в то же время русская военная система была заимствована у татар; имели место и другие заимствования, причем некоторые из них (как, например, ямская служба) объяснялись опосредованным Ордой влиянием китайских традиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аверкиев С.С.* Влияние татар на жизнь русского народа. Казань: Яз, 2015. 292 с.
2. Аграрный строй Османской империи в XV–XVII веках. Документы и материалы. М., 1968. 223 с.
3. *Алексеев Ю.Г.* У кормила Российского государства. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1998. 347 с.
4. *Альшиц Д.Н.* Начало самодержавия в России. Л.: Наука, 1988. 242 с.
5. Английские средневековые источники IX–XIII вв. М.: Наука. 1979. 268 с.
6. *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. М.; Тверь: Леан, Аграф, 1997. 480 с.
7. *Гальперин Ч.* Вымышленное родство // Родина. 2003. № 12. С. 68–71.
8. *Герберштейн С.* Записки о Московии. М.: Издательство Московского государственного университета, 1988. 429 с.
9. Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань: Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова, 1996. 315 с.
10. *Горский А.А.* Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. СПб.: Наука, 2016. 182 с.
11. *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и её падение. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1950. 505 с.
12. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XV вв. М.; Л.: Издательство РАН СССР, 1950. 586 с.
13. Иосафовская летопись. М.: Издательство АН СССР, 1957. 239 с.
14. *Ермолаев И.П.* Становление российского самодержавия. Казань: Издательство Казанского университета, 2004. 392 с.
15. Золотая Орда в мировой истории. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 968 с.

16. Камалов И.Х. Золотая Орда и русский улус (татарское влияние на Россию). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 304 с.
17. Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука, 1976. 104 с.
18. Колычева Е.И. Аграрный строй России XVI века. М.: Наука, 1987. 229 с.
19. Кром М.М. Рождение государства. Московская Русь XV–XVI веков. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 256 с.
20. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. М.: Наука, 1966. 184 с.
21. Мэн-да бэй-лу. Полное описание монголо-татар. Москва: Наука. 1975. 159 с.
22. Неймышева А.Н. История возделывания проса на территории Российской Федерации // Научно-агрономический журнал. 2014. № 2. С. 39–41.
23. Нефедов С.А. Реформы Ивана III и Ивана IV: османское влияние // Вопросы истории. 2002. № 11. С. 30–53.
24. Нефедов С. А. История России. Факторный анализ. Т. I. М.: Территория будущего, 2010. 376 с.
25. Нефедов С.А. Монгольские завоевания и формирование российской цивилизации // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 113–123
26. Новгородские писцовые книги, изданные Археографической Комиссией. Т. 1–6. СПб, 1895–1915.
27. Очерки русской культуры XVI века. Ч. 1. М.: Издательство Московского государственного университета, 1977. 383 с.
28. Пайнс Р. Влияние монголов на Русь: «за» и «против». Историографическое исследование // Неприкосновенный запас. № 5. 2011. С. 234–256.
29. Пайнс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. 422 с.
30. Пенской В.В., Пенская Т.М. Московская «недотирания» раннего Нового времени в современной историографии // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2018. № 2. С. 18–32.
31. Пересветов И. С. Сказание о Магмете-салтане // Все народы едино суть. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 626–641.
32. Плано Карпини Дж. История монгалов // Путешествия в восточные страны. М.: Мысль, 1997. С. 28–85.
33. Полное собрание русских летописей. Т. 12. СПб.: Скороходов, 1901. 266 с.
34. Полное собрание русских летописей. Т. 15. СПб.: Леопид Демис, 1863. 504 стб.
35. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. II. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1960. 248 с.
36. Селезнев Ю.В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII–XV вв. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2013. 472 с.
37. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. М.: Наука, 1975–2008.
38. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб.: Типография АН, 1884. 563 с.
39. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1941. 306 с.
40. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. 764 с.
41. Трепавлов В.В. Рецензия на книгу С.С. Аверкиева «Влияние татар на жизнь русского народа» // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 2. С. 460–465. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.460-465
42. Флетчер Д.О. государстве Русском // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск: «Русич», 2003. С. 14–151.
43. Хакимов Р.С. Россия и Татарстан: у исторического перекрестка // Панорама-Форум. 1997. № 1. С. 30–49.

44. Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, 1997. 160 с.
45. Юрганов А.Л. У истоков деспотизма // История отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – нач. XX в. М.: Политиздат, 1991. С. 34–75.
46. Юрий Пивоваров о фильме и наследии Орды. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=4z8ixRPhGDw> (дата посещения 3.12.2020)
47. Янов А.Л. Россия: У истоков трагедии. 1462–1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 559 с.
48. Brzezinski Z. Soviet Politics: From the future to the past // The Dynamics of Soviet Politics. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1976. P. 337–351.
49. Halperin C.J. Russia and the Golden Horde: The Mongol Impact on Medieval Russian History. Bloomington, 1985. 180 p.
50. Henshall N. The Myth of Absolutism. London and New York: Longman, 1992. 245 p.
51. Nefedov S. Eski Rusia' da Osmanli sistemi: Timar // DA – diyalog avrasya. Istanbul, 2003. № 8. P. 34–40.
52. Ostrowski D. The Mongol origins of Muscovite political institutions // Slavic Review. 1990. Vol. 49. № 4. P. 525–542.
53. Ostrowski D. Muscovy and the Mongols. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 348 p.
54. Pelenski J. State and society in Muscovite Russia and the Mongol-Turkic system in the sixteenth century // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. 1980. Bd. 27. P. 156–167.
55. Vasary I. The Tatar factor in the formation of Muscovy's political culture // Nomads as Agents of Cultural Change. The Mongols and Their Eurasian Predecessors. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2015. P. 252–270.
56. Wittfogel K.A. Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power. New Haven: Yale University Press, 1957. 556 p.

Сведения об авторе: Сергей Александрович Нефедов – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН; профессор Уральского федерального университета (620002, ул. Мира, 19, Екатеринбург, Российская Федерация); Researcher ID: Q-1642-2015; ORCID: 0000-0003-0136-5020. E-mail: hist1@yandex.ru

Поступила 27.08.2020 Принята к публикации 05.12.2020
Опубликована 29.12.2020

REFERENCES

1. Averkiev S.S. *Vliyanie tatar na zhizn' russkogo naroda* [The Influence of Tatars on the Life of Russian People]. Kazan: YAz, 2015. 292 p. (In Russian)
2. *Agrarnyj stroj Osmanskoj imperii v XV–XVII vekah. Dokumenty i materialy* [The Agrarian System of the Ottoman Empire from the fifteenth to seventeenth century. Documents and Materials]. Moscow: "Science", 1968. 223 p. (In Russian)
3. Alekseev Yu.G. *U kormila Rossijskogo gosudarstva* [At the Helm of the Russian State]. St. Petersburg: St. Peterburg State University, 1998. 347 p. (In Russian)
4. Al'shits D.N. *Nachalo samoderzhaviya v Rossii* [The Beginning of the Autocracy in Russia]. Leningrad: "Science", 1988. 242 p. (In Russian)

5. *Angliyskie srednevekovye istochniki IX–XIII vv.* [English Medieval Sources from the ninth to thirteenth century]. Moscow: “Science”, 1979. 268 p. (In Russian)
6. Vernadskiy G.V. *Mongoly i Rus'* [The Mongols and Russia]. Moscow; Tver: Lean, Agraf, 1997. 480 p. (In Russian)
7. Halperin Ch. Vymyshlennoe rodstvo [Fictional kinship]. *Rodina* [Homeland]. 2003, no. 12, pp. 68–71. (In Russian)
8. Herberstein S. *Zapiski o Moskovii* [Notes on Muscovy]. Moscow: Moscow State University, 1988. 429 p.
9. *Gorod Bolgar: Remeslo metallurgov, kuznecov, litejshchikov* [City of Bolghar: Craft of Metallurgists, Blacksmiths, and Casters]. Kazan: G. Ibragimov Institute of Language, Literature, and Art of Tatarstan Academy of Sciences, 1996. 315 p. (In Russian)
10. Gorskiy A.A. *Russkie zemli v XIII–XIV vekakh: puti politicheskogo razvitiya* [Russian Lands in the thirteenth and fourteenth century: Ways of Political Development]. St. Petersburg: “Science”, 2016. 182 p. (In Russian)
11. Grekov B.D., Yakubovskiy A.Yu. *Zolotaya Orda i ee padenie.* [Golden Horde and Its Fall]. Moscow; Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1950. 505 p. (In Russian)
12. *Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey XIV–XV vv.* [The Spiritual and Contractual Charters of the Great and Appanage Princes of the fourteenth and fifteenth century]. Moscow; Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1950. 586 p. (In Russian)
13. *Iosafovskaya letopis'* [The Joseph Chronicle]. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1957. 239 p.
14. Ermolaev I.P. *Stanovlenie rossiyskogo samodержaviya* [The Formation of the Russian Autocracy]. Kazan: Kazan State University, 2004. 392 p. (In Russian)
15. *Zolotaya Orda v mirovoy istorii* [The Golden Horde in World History]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016. 968 p. (In Russian)
16. Kamalov I.Kh. *Zolotaya Orda i russkiy ulus (tatarskoe vliyanie na Rossiyu)* [The Golden Horde and the Russian Ulus (Tatar influence on Russia)]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016. 304 p. (In Russian)
17. Kirpichnikov A.N. *Voennoe delo na Rusi v XIII–XV vv.* [Warfare in Rus' from the thirteenth to fifteenth century]. Leningrad: “Science”, 1976. 104 p. (In Russian)
18. Kolycheva E.I. *Agrarnyy stroy Rossii XVI veka* [Agrarian System of Russia of the sixteenth century]. Moscow: “Science”, 1987. 229 p. (In Russian)
19. Krom M.M. *Rozhdenie gosudarstva. Moskovskaya Rus' XV–XVI vekov* [The Birth of the State. The Muscovite Rus' of the fifteenth and sixteenth century]. Moscow: New literary review, 2018. 256 p. (In Russian)
20. Medvedev A.F. *Ruchnoe metatel'noe oruzhie. Luk i strely, samostrel VIII–XIV vv.* [Hand Throwing Weapons. Bow and Arrow, Crossbow from the eighth to fourteenth century]. Moscow: “Science”, 1966. 184 p. (In Russian)
21. *Meng-da bay-lu. Polnoe opisanie mongolo-tatar* [Meng-da bay-lu. Full Description of the Mongol-Tatars]. Moscow: “Science”, 1975. 159 p. (In Russian)
22. Neymysheva A.N. Istoriya vozdeyvaniya prosa na territorii Rossiyskoy Federatsii [The history of millet cultivation on the territory of the Russian Federation]. *Nauchno-agronomicheskii zhurnal* [Scientific-agronomical Journal]. 2014, no. 2, pp. 39–41. (In Russian)
23. Nefedov S.A. Reformy Ivana III i Ivana IV: osmanskae vliyanie [Reforms of Ivan III and Ivan IV: Ottoman influence]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. 2002, no. 11, pp. 30–53. (In Russian)
24. Nefedov S.A. *Istoriya Rossii. Faktornyy analiz* [History of Russia. Factor Analysis]. Vol. 1. Moscow: “Territory of the future”, 2010. 376 p. (In Russian)

25. Nefedov S.A. Mongol'skie zavoevaniya i formirovanie rossiyskoy tsivilizatsii [The Mongol conquests and the formation of Russian civilization]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. 2006, no. 2, pp. 113–123. (In Russian)
26. *Novgorodskie pistsovye knigi, izdannye Arkheograficheskoy Komissiei* [Novgorod Scribe Books Published by the Archaeographic Commission]. Vol. 1–6. St. Petersburg, 1895–1915. (In Russian)
27. *Ocherki russkoy kul'tury XVI veka* [Essays on Russian culture of the sixteenth century]. Part 1. Moscow: Moscow State University, 1977. 383 p. (In Russian)
28. Payps R. Vliyanie mongolov na Rus': "za" i "protiv". Istoriograficheskoe issledovanie [Influence of the Mongols on Rus': "For" and "against". Historiographic research]. *Neprikosnovennyj zapas* [The Untouchable Reserve]. 2011, no. 5, pp. 234–256. (In Russian)
29. Payps R. *Rossiya pri starom rezhime* [Russia under the Old Regime]. Moscow: Independent newspaper, 1993. 422 p. (In Russian)
30. Penskoj V.V., Penskaya T.M. Moskovskaya "nedotiraniya" rannego Novogo vremeni v sovremennoy istoriografii [Moscow "lack of rubbing" of the early New time in modern historiography]. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsial'nye i gumanitarnye issledovaniya* [Scientific Result. Social and Humanitarian Studies]. 2018, no. 2. pp. 18–32. (In Russian)
31. Peresvetov I.S. Skazanie o Magmete-saltane [The Legend of Magmet-Saltan]. *Vse narody edino sut'* [All Peoples Have One Essence]. Moscow: "Young guard", 1987, pp. 626–641.
32. Plano Carpini G. Istoriya mongalov [History of the Mongols]. *Puteshestviya v vostochnye strany* [Travels in Eastern Countries]. Moscow: "Thought", 1997, pp. 28–85. (In Russian)
33. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 12. St. Petersburg: Publishing house of Skorokhodov, 1901. 266 p. (In Russian)
34. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 15. St. Petersburg: Leopold Demis, 1863. 504 col. (In Russian)
35. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Vol. II. Moscow; Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1960. 248 p. (In Russian)
36. Seleznev Yu.V. *Russkie knyaz'ya v sostave pravlyashchey elity Dzhuchieva Ulusa v XIII–XV vv.* [Russian Princes among the Ruling Elite of the Ulus of Jochi from the thirteenth to fifteenth century]. Voronezh: Central Black Earth Book publishing house, 2013. 472 p. (In Russian)
37. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language from the eleventh to seventeenth century]. Vol. 1–28. Moscow: "Science", 1975–2008. (In Russian)
38. Tiesenhauzen V.G. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy* [Collection of Materials Related to the History of the Golden Horde]. Vol. I. St. Petersburg: Tipography of the Academy of Sciences, 1884. 563 p. (In Russian)
39. Tiesenhauzen V.G. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy* [Collection of Materials Related to the History of the Golden Horde]. Vol. II. Moscow; Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1941. 306 p. (In Russian)
40. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogayskoy Ordy* [History of the Nogai Horde]. Kazan: Publishing house "Kazan real estate", 2016. 764 p. (In Russian)
41. Trepavlov V.V. Retseziya na knigu S.S. Averkieva "Vliyanie tatar na zhizn' russkogo naroda" [Review of the book by S.S. Averkiev "Tatar Influence on the Life of the Russian People"]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 2, pp. 460–465. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.460-465 (In Russian)
42. Fletcher D. O gosudarstve Russkom [On the Russian state]. *Rossiya XVI veka. Vospominaniya inostrancev* [Russia of the sixteenth century. The Memories of Foreigners]. Smolensk: Rusich, 2003, pp. 14–151. (In Russian)

43. Khakim R. Rossiya i Tatarstan: u istoricheskogo perekrestka [Russia and Tatarstan: At the historical crossroads]. *Panorama-Forum* [Panorama Forum]. 1997, no. 1, pp. 30–49. (In Russian)
44. Hudyakov Yu.S. *Vooruzhenie kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii v epokhu razvitogo srednevekov'ya* [Armament of Nomads of Southern Siberia and Central Asia in the Era of the Developed Middle Ages]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences, 1997. 160 p. (In Russian)
45. Yurganov A.L. U istokov despotizma [At the origins of despotism]. *Istoriya otechestva: lyudi, idei, resheniya. Ocherki istorii Rossii IX – nach. XX v.* [History of the Fatherland: People, Ideas, and Decisions. Essays on the History of Russia from the ninth to early twentieth century]. Moscow: Politizdat, 1991, pp. 34–75. (In Russian)
46. Yuriy Pivovarov o fil'me i nasledii Ordy [Yuri Pivovarov about the Film and the Legacy of the Horde]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=4z8ixRPhGDw> (accessed 3.12.2020). (In Russian)
47. Yanov A.L. *Rossiya: U istokov tragedii. 1462–1584. Zametki o prirode i proiskhozhdenii russkoy gosudarstvennosti* [Russia: At the Origins of the Tragedy. 1462–1584. Notes on the Nature and Origin of the Russian Statehood]. Moscow: “Progress-Tradition”, 2001. 559 p. (In Russian)
48. Brzezinski Z. Soviet politics: From the future to the past. *The Dynamics of Soviet Politics*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1976, pp. 337–351.
49. Halperin C.J. *Russia and the Golden Horde: The Mongol Impact on Medieval Russian History*. Bloomington, 1985. 180 p.
50. Henshall N. *The Myth of Absolutism*. London and New York: Longman, 1992. 245 p.
51. Nefedov S. Eski Rusya’ da Osmanli sistemi: Timar [Ottoman system in old Russia: Timar]. *DA – diyalog avrasya*. Istanbul, 2003, no. 8, pp. 34–40. (In Turkish)
52. Ostrowski D. The Mongol origins of Muscovite political institutions. *Slavic Review*. 1990, vol. 49, no. 4, pp. 525–542.
53. Ostrowski D. *Muscovy and the Mongols*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 348 p.
54. Pelenski J. State and society in Muscovite Russia and the Mongol-Turkic system in the sixteenth century. *Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte*. 1980, vol. 27, pp. 156–167.
55. Vasary I. The Tatar factor in the formation of Muscovy’s political culture. *Nomads as Agents of Cultural Change. The Mongols and Their Eurasian Predecessors*. Honolulu: University of Hawai’i Press, 2015, pp. 252–270.
56. Wittfogel K.A. *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power*. New Haven: Yale University Press, 1957. 556 p.

About the author: Sergey A. Nefedov – Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow of the Institute of history and archaeology, Ural branch of the Russian Academy of Sciences; Professor of Ural Federal University (19, Mira Str., Yekaterinburg 620002, Russian Federation); Researcher ID: Q-1642-2015; ORCID: 0000-0003-0136-5020. E-mail: hist1@yandex.ru

Received August 27, 2020 Accepted for publication December 5, 2020
Published December 29, 2020